

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА / ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.gwad-hy88

EDN: GVGQQQ

УДК 316.7

*АНАСТАСИЯ МАРКОВНА РУКАВИНА¹,
АННА ИГОРЕВНА ФРОЛОВА¹,
ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА БОЛДИНА²,
ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЕРМОХИНА,
АНЖЕЛИКА СЕРГЕЕВНА ШОХОР,
ВЕРОНИКА ВИТАЛЬЕВНА СИМОНОВА^{1,3}*

¹ *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» Санкт-Петербург, Россия*

² *Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия*

³ *Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия*

АННИГИЛЯЦИЯ САКРАЛЬНОГО НА ГОРЕ КАЧКАНАР И ДИЛЕММЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Предлагаемая статья приглашает к размышлению о месте теоретических концепций аннигиляции в подходах устойчивого развития и рационального природопользования в отношении сакральных культурных ландшафтов. В социальной антропологии аннигиляция наделяется символическим характером и зачастую рассматривается как культурная аннигиляция, обозначающая исчезновение или уничтожение культурных традиций, языков, материальных свидетельств и исторической памяти. Аннигиляция, как правило, имеет дурную репутацию, и там, где она появляется, оценка зачастую строится не в ее пользу, и разрушение чего-либо рассматривается как ущерб культурному ландшафту, традиционному образу жизни и локальному сообществу. Так каким же образом аннигиляция и устойчивое развитие могут перекликаться друг с другом? И как эхо их диалога может найти достойное место в культурном и сакральном ландшафте и научных подходах к таковому? На эмпирических материалах спора между представителями буддийской общины «Шедруб Линг» и Качканарским горно-обогатительным комбинатом, принадлежащим АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», мы продемонстрируем, что аннигиляция в дискуссиях социальной антропологии и антропологии устойчивого развития представляет собой сложное

и многостороннее явление, недооцененное в теоретическом плане. Спор возник из-за того, что на горе Качканар, расположенной в Свердловской области, было построено культовое сооружение буддийского храма, расположенное рядом с Качканарским месторождением титаномагнетитовых железных руд, что явилось препятствием для недропользователей. Из-за изначально незаконного строительства буддийского храма в границах рудного месторождения святилище было снесено, чтобы запустить горно-обогатительный комбинат. Однако, несмотря на видимый негативный характер этих действий, все стороны спора пришли к консенсусу, что данное решение было вполне благополучным для региона, а сакральный ландшафт перерегистрировал свой статус в профанный достаточно легко.

Ключевые слова: аннигиляция сакрального, устойчивое развитие, сакральные культурные ландшафты, антропология сакрального, социальная антропология

Ссылка для цитирования: Рукавина А. М., Фролова А. И., Болдина Д. А., Ермохина Е. А., Шохор А. С., Симонова В. В. Аннигиляция сакрального на горе Качканар и дилеммы устойчивого развития // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 30. — С. 52–77. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.gwady88; EDN: GVGQQQ

Введение

Темы, затрагивающие споры вокруг сакральных мест, протекающие между локальными сообществами и компаниями-недропользователями, всегда были, пожалуй, одними из самых острых и неоднозначных в социальной антропологии и антропологии устойчивого развития. Особенно это касается тех ее направлений, которые были нацелены на изучение традиционных экологических знаний, локальных религиозных институтов, обычного права и проектов социально-экономического развития регионов, в которых проживает коренное население, особенно коренные малочисленные народы. В целом эта тематика уже стала своего рода классикой в первую очередь для экологической антропологии, а защита культурных механизмов, так называемой «упругости и способности к восстановлению» (resilience) локальных сообществ, где во главу угла ставится традиционный образ жизни и культурные представления о верном взаимодействии с окружающей средой, — привычной формой академической мысли на этот счет.

Разумеется, устойчивое развитие как цивилизационный концепт, рожденный мыслителями международного пространства (Report 1987), призывающий объединить усилия экономики, общества для защиты природы и общества с одновременным получением прямых выгод для бизнеса, многим кажется утопичным и требующим доработок. Однако

за последнее десятилетие сформировался дискурс «устойчивости и развития», в котором идея охраны традиционных ценностей локальных сообществ стояла практически в одном ряду с дискурсом защиты природы. Традиционная культура и природа, таким образом, начали подразумевать, а иногда и замещать друг друга в этих дискуссиях, а возрождение этнической культуры, а также самобытного религиозного мышления видится как возрождение экологического сознания, в конце концов ведущего к общему благу (Сузукей, Хулер 2022). В дополнение, поддержание сакрального аспекта традиционного и экологического мировоззрения может помочь в разработке более устойчивых подходов к развитию, учитывающих культурные и духовные аспекты жизни людей, что, в свою очередь, может способствовать более эффективному решению экологических и социальных проблем (Мелихов 2010). Сирина (2008) полагает, что формирование экологической культуры коренных народов Севера детерминировано природно-климатическими условиями и традиционными формами хозяйствования, такими как оленеводство, охота и рыболовство. Подчеркивается, что экономические практики этих народов были ориентированы на ресурсосбережение и поддержание экологического равновесия. В работе также отмечается, что шаманизм, как основа их мировоззрения, обуславливал уважительное отношение к окружающей среде (Там же).

Модели устойчивых решений должны, бесспорно, учитывать традиционный образ жизни, однако это далеко не однозначный процесс, если речь идет о сакральных местах и локальных идиомах, касающихся этих мест, в контексте индустриальных проектов развития региона, подразумевающих разработку жизненно важных для экономики страны месторождений. В то же время в поле зрения антропологов устойчивого развития в большинстве случаев попадают примеры урегулирования споров, при которых локальные сообщества в глобальном разрезе отстаивали культурные идиомы сакрально экологической и традиционной этики, что постепенно стало считаться в поле вышеупомянутых дискуссий единственно возможным решением. Например, в 1970-х гг. в Англии были отменены планы строительства тоннеля под Стоунхенджем из-за протестов друидов, в 2019 г. в Австралии был запрещен подъем на священную для аборигенов гору Улуру (Айерс-Рок), в Башкирии в 2020 г. эоактивисты добились отмены добычи соды на территории священной горы Куштау, с которой связаны исторические события локального сообщества и предания, богатая флора и фауна, а также уникальные геологические образования также могли способствовать возникновению

особого культурного статуса горы среди местного населения, который в итоге обрел официальное федеральное признание в 2020 г. Список аналогичных случаев в мировом масштабе можно продолжить. Однако суть приведенных нами примеров подчеркивает сложность нахождения баланса между экономическими, экологическими и социальными интересами.

То есть, если возник спор, разрабатывать или нет место, которое отмечено в локальном сообществе как сакральное, то ответ кажется однозначным: нет. Нет, потому что иногда священные места документируют как объекты культурного наследия, иногда как природного, и здесь четкость постановки определения весьма условная: «Есть федеральный закон об объектах культурного наследия народов РФ, который говорит о том, что ничего нельзя построить просто так — перед тем, как начинать строительство, необходимо провести ряд экспертиз. Однако проблема кроется в том, что закон под этим подразумевает материальные объекты: здания, памятники, а у коренных малочисленных народов Севера такого не было. Но это не означает, что таких мест у них нет — все места исторического проживания относятся к ним, в том числе определенные сакральные места, — как священные для этих народов, так и табуированные. Именно на исследование и составление карты таких мест направлена наша работа. Все такие места государство должно взять под защиту» (Баякова 2024).

В 2013 г. ученые Лапландского университета предложили следующую структуру охраны сакральных мест: «охранение биологической среды, анализ нематериального культурного наследия коренных народов Арктики, проработка политических стандартов по защите сакральных мест, разработка стратегии по охране сакральных мест коренных народов Севера и ведение образовательной работы»¹.

Поскольку сама концепция «устойчивого развития» была создана в международном политико-академическом пространстве сравнительно недавно и активно экспортировалась во все стороны земного шара, где была актуальна, то и дискурсы о сакральных местах, сохранения природы и культуры складывались схожим образом в разных странах и научных средах. Идея сохранения стала постоянно звучать на научных и политических форумах и иных площадках, где обсуждались вопросы традиции, сакральных мест, природы и экономики с разных точек

¹ Материал из открытых источников сети Интернет, ссылка представлена в общем списке литературы (<https://www.gumilev-center.ru/sakralnye-mesta-i-ikh-sokhrannost-i-zashhita-v-centre-vnimanija/>).

зрения. Обоснование концепции опиралось на идею о том, что текущее цивилизационное развитие находится в противоречии с условиями его существования (Борисов, Волков 2014).

Разумеется, мы ни в коем случае не хотим умалить значимость необходимости защищать сакральные места и культурные ландшафты. Это действительно очень важно. Однако сам процесс признания сакрального сакральным в контексте промышленного освоения очень многогранен и состоит из множества субпроцессов и интерпретаций, которые не всегда очевидны и протекают в тени ослепительно ярких и уже устоявшихся дискурсов о защите и охране сакрального пространства, где компромисс между «рыночным фундаментализмом» и постановкой экологических и социальных проблем видится практически недостижимым, поскольку первый неумолимо отводит факультативную роль экологической и социальной сфере (Расторгуев, Черешнев 2008).

Предлагаемое исследование основано на материалах спора между представителями буддийской общины «Шедруб Линг» и Качканарским горно-обогатительным комбинатом, принадлежащим АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», входящим в пятерку крупнейших горнодобывающих предприятий России. Спор возник из-за того, что гора Качканар (между долинами рек Ис и Выя, левые притоки р. Тура), на которой было построено культовое сооружение буддийского храма, располагается рядом с Качканарским месторождением титаномагнетитовых железных руд (разрабатывает АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК»). Сам храм находится в районе, где ведется добыча руды. Из-за изначально незаконного строительства буддийского храма в границах рудного месторождения святилище было снесено, чтобы запустить горно-обогатительный комбинат.

В целях контекстуализации изучаемого нами случая стоит отметить, что похожий сюжет в г. Екатеринбурге, и том же регионе, произошел с самовольным строительством православной церкви Рождества Иоанна Предтечи. Незаконное сооружение мешало строительству трамвайной ветки в Пымшу. Мнение клирика епархии, опубликованное в открытых источниках СМИ, указывает на однозначную позицию в отношении жертвования сакральным ландшафтом, несмотря на то что здание было приспособлено под храм уже после строительства, в пользу благоустройства городской инфраструктуры: *«Для Русской православной церкви снос любого храма невозможен, а переезд — нежелателен ввиду сакральности места. В юридическом поле мы заявили свою позицию*

*спокойно и доброжелательно. Мы считаем, что надо искать возможности уйти от переноса церкви... но, раз оно уже стало настоящей церковью с освященным престолом, то важно содержание, а не форма. И эта церковь требует нашей заботы и защиты»*². По мнению эксперта (православная монахиня), в настоящее время такие случаи просто невозможны в силу бюрократизации церкви, и их стоит рассматривать уже в исторической ретроспективе.

Также стоит упомянуть сюжет, получивший огласку как «противостояние в парке Торфянка», принявший общемосковский характер, протекавший в 2015 г. В этом случае местные жители были против строительства православного храма на зеленой территории парка. Иными словами, они выступили против аннигиляции профанного ландшафта экологической зоны города. Строительство храма планировалось по так называемому плану «храм в пределах шаговой доступности»; однако активисты правовыми методами отстояли экологическую значимость парка и его профанный статус озелененной территории общего пользования как приоритетную по отношению к сакральной.

Среди подобных примеров стоит упомянуть снос горнолыжных объектов на южной вершине Качканара (начало 2000-х гг.). Ситуация иллюстрирует противоречия между коммерческой деятельностью (добыча полезных ископаемых) и рекреационной инфраструктурой. Экономические интересы крупной горнодобывающей компании были поставлены выше сохранения объекта отдыха и спорта.

Именно поэтому нас заинтересовал кейс, в котором решение в споре о сохранности сакрального или же пожертвования им ради экономических и общественных выгод осталось за скобками привычной этики созидания сакрального. Нас заинтересовало, почему классический сюжет спора между логикой прогресса и феноменологией местной традиции сакрального вдруг получил неожиданный поворот: каждая сторона так или иначе облекла себя в мантию «адвоката дьявола», стала на сторону аннигиляции сакрального ландшафта достаточно легко и обоснованно. Более того, этот поворот был расценен всеми участниками случая как верный способ решения проблемы в сложившейся ситуации. Можно сказать, что наше исследование строилось по принципу «ретрографии»: мы изучали уже случившееся и состоявшееся решение. Мы надеемся, что результаты нашей работы дополняют пробелы, существующие в антропологии устойчивого развития, где налицо дефицит «этнографии

² Открытые материалы СМИ, приложено в общем списке источников в конце статьи.

аннигиляции», что уводит от полноценности восприятия и анализа социального и юридического статуса сакральных мест, а также культурных институтов локальных сообществ, во многом опирающихся на сакральные ландшафты и представления о них.

Несмотря на то что случаи, связанные с разрушением религиозных или культурных объектов, как правило, негативно оцениваются общественностью и не видятся исследователями как пример взвешенного подхода, как было показано выше, окончательное решение спора на горе Качканар, в результате которого был разрушен буддийский храм, как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, оказалось примером устойчивого решения. В рамках данного исследования было выявлено, что различные заинтересованные стороны, представляющие «конкурирующие силы», сошлись во мнении, что разрушение храма в данном случае было наиболее правильным и устойчивым решением, т. е. решением, удовлетворяющим потребности настоящего и не ставящим под угрозу развитие будущих поколений. Поэтому при разработке моделей устойчивого развития мы предлагаем не игнорировать, казалось бы, очевидно негативные подходы в оценке ситуации и разработке моделей урегулирования подобных споров. Игнорирование же значимости «этнографии аннигиляции» создает пространство риска оказаться в плену шаблонных и оценочных суждений.

Поскольку события, произошедшие на горе Качканар, представляют собой достаточно многослойный случай и нуждаются в комплексе методов (case study, анализ конкретного случая), в ходе исследования были использованы разные качественные способы получения эмпирических данных. Таким образом, мы использовали глубинное полуструктурированное интервью, метод Делфи и Q-sort методику.

Глубинные интервью позволили нам получить детальные нарративы от представителей на первый взгляд противоположных сторон спора, т. е. сторон, которые изначально и логично должны быть противопоставлены друг другу: представители буддийской общины, которым и принадлежала сакральная постройка, и менеджеры компании-недропользователя, которая претендовала на десакрализацию ландшафта и обращение его в ресурсодобывающий узел.

Метод Делфи ориентирован на поиск консенсуса между экспертами разных уровней и представляет собой алгоритм, при котором мнения экспертов коррелируются друг с другом независимо от самих экспертов. Найденные точки соприкосновения прорабатываются повторно до тех пор, пока не будет определен экспертный консенсус: согласие

по определенным позициям абсолютно всех участников исследования. Как правило, достижение консенсуса происходит посредством серии дискуссий между экспертами по определенной теме. В контексте нашего исследования необходимо было увидеть, есть ли согласие во мнениях по оптимальному разрешению спора между буддийской группой «Шедруб Линг» и горнодобывающей компанией АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК». Эксперты, принявшие участие в обсуждении: представители компании АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», буддийской общины и местного сообщества и молодые социологи. В ходе исследования было собрано шесть глубинных интервью для учета различных точек зрения. Процесс анализа данных показал, что интервью продемонстрировали неожиданный и исчерпывающий консенсус, что зачастую несвойственно для подобных исследований.

Q-сортировка — это метод анализа данных, требующий от участников ранжировать предоставленные утверждения, основанные на вопросах исследования. Методология ранжирования гарантирует, что небольшая часть утверждений будет отсортирована как крайне важные или крайне неважные для участника, а большинство утверждений будет оставлено для нейтральной, более сглаженной оценки. Эта система «принудительного ранжирования» в социальных науках полезна для выявления и систематизации индивидуальных высказываний, поскольку утверждения не могут быть оценены одинаково, в отличие от шкалы Лайкерта.

Мы прибегли к методу Q-sort после сбора глубинных интервью и анализа материала по методу Делфи, поэтому процесс Q-сортировки был немного адаптирован. Поскольку респондентам не было предоставлено утверждений, они были созданы после сбора данных и были ранжированы исследовательской группой в соответствии с точкой зрения респондента. Поэтому можно сказать, что мы адаптировали Q-sort метод в его классическом прочтении и использовали его для анализа суждений уже опрошенных экспертов. Ретроранжирование как исследовательская тактика продемонстрировало свою жизнеспособность и позволило нам наглядно увидеть точки соприкосновения мнений разных экспертов и ответить на основной исследовательский вопрос: в какой степени аннигиляция сакральной постройки на горе Качканар является устойчивым решением с точки зрения заинтересованных сторон спора в контексте антропологии устойчивого развития?

В рамках исследования был собран эмпирический материал для анализа мнений участников спора на горе Качканар. Основными

источниками данных стали интервью с представителями местного сообщества, сотрудниками АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК» и председателем буддийской общины «Шедруб Линг».

Большинство местных жителей поддержали снос храма, аргументируя это тем, что сооружение было построено без разрешительных документов, а гора Качканар является важным ресурсным объектом для региона. Компания АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», являющаяся градообразующим предприятием, также настаивала на сносе, исходя из правовых аспектов и экономической значимости месторождения. Буддисты признавали незаконность строительства храма, но продолжали надеяться на его сохранение или, по крайней мере, на возможность получения разрешения на посещение. Местные жители и социологи, несмотря на акцент на культурной значимости храма, в ходе интервью склонились к компромиссу в виде его переноса.

Собранные данные позволили выделить несколько вариантов разрешения спора. Среди них — снос храма, его перенос на новое место, консервация объекта с переносом горных работ, а также выдача разрешения на ограниченное посещение. Большинство опрошенных, включая местное сообщество, поддержали вариант переноса храма как наиболее сбалансированное и устойчивое решение. Социологи предложили альтернативный способ добиться правовой защиты храма через признание его культурным наследием, однако этот вариант не получил широкой поддержки, учитывая экономические приоритеты региона и градообразующую роль предприятия.

Далее мы рассмотрим хронологию спора и судьбы сакрального ландшафта горы Качканар, обратимся к теоретическим дискуссиям вокруг концепта аннигиляции в социальной антропологии и антропологии устойчивого развития, ее связи с другими подходами к «разрушению» и потенциалом для научного понимания социальных процессов сакрализации и десакрализации ландшафта. В итоге мы рассмотрим, как перенос храма горы Качканар, несмотря на сложность реализации, оказался наиболее оптимальным решением, учитывающим интересы всех сторон и минимизирующим ущерб устойчивому развитию региона. Аннигиляция, таким образом, выступила локальной идиомой решения вопроса, что само по себе выбивается из общей канвы решений и реакций по схожим случаям. Так каким же образом аннигиляция и устойчивое развитие могут перекликаться друг с другом? И как эхо их диалога может найти достойное место в культурном и сакральном ландшафте и научных подходах к таковому?

Хроники «дела Качканар»: описание сути спора, или Почему аннигиляция?»³

Для более глубокого понимания конфликта следует обратить внимание на его историю. В 1988 г. Михаил Санников, будущий основатель монастыря, впервые попытался поступить в Иволгинский дацан (Республика Бурятия), но был успешно зачислен лишь в следующем году из-за нехватки мест. Он принял монашеские обеты под именем Тендзин Докшит и обучался в Иволгинском дацане три года, а затем продолжил обучение в других дацанах, где практиковал тантру и другие учения, получая посвящения различных лам.

В 1995 г. по указанию своего учителя уже лама Докшит начал строительство дацана на горе Качканар, который получил известность как «Шедруб Линг». С этого момента началось строительство храма, к которому были подключены первые ученики ламы Докшит, а в конце 1990-х гг. была зарегистрирована новая местная религиозная организация. В 2014 г. лама Докшит получил удостоверение священнослужителя и начал представлять интересы общины в вопросе легализации прав на землю. А с 25 августа 2014 г. начались процессы, которые и обозначены в нашем исследовании как «дело Качканар», когда городской суд признал строение храма незаконным и представляющим угрозу общественной безопасности. Основателя монастыря обязали демонтировать все хозяйственные постройки на горе Качканар. Осенью 2019 г. представители общины достигли соглашения с компанией АО «Евраз Качканарский ГОК» о переезде, который должен был состояться до ноября 2020 г. Компания согласилась выделить средства на строительство нового здания, а местные власти — предоставить земельный участок. Однако переезд не состоялся, а в марте 2022 г. истек срок исполнения судебного решения о сносе построек на горе Качканар и на следующий день начались работы по демонтажу. Все мероприятия по посещению горы туристами и членами общины были остановлены.

В качестве компенсации АО «Евраз Качканарский ГОК» после завершения демонтажа строений буддийского храма выделили общине земельный участок и 26 млн рублей на ведение религиозной деятельности. Компания также предложила создать комфортные условия для туристов, включая изготовление отопливаемых вагончиков с полноценной инфраструктурой для проживания. В 2022 г. буддистская община «Шедруб

³ Параграф основан на материалах СМИ, опубликованных в общем доступе в сети Интернет, ссылки представлены в списке использованных источников.

Линг» переехала с горы Качканар в поселок Косья Нижнетуринаского района. В феврале 2024 г. администрация Нижнетуринаского городского округа разрешила общине построить храм Зеленой Тары⁴ в поселке Косья. Двухэтажный храм планируют возвести к 2027 г. На первом этаже будет зал для буддийской практики, на втором — библиотека буддийской литературы и мастерские.

С этого момента сакральная гора была детерриторизирована, обрела новый профанный статус с многообещающим экономическим потенциалом: как отметил министр инвестиций Свердловской области, горнодобывающая деятельность на этой территории идет с опережением графика, а запасов сырья должно хватить более чем на сто лет.

Аннигиляция сакрального, таким образом, стала консенсусом между проектом устойчивого экономического развития и недропользования и сакральным ландшафтом, который сменил свой социальный статус без особых сожалений. С этой трансформацией статуса сакрального ландшафта согласились все участники спора и не видели в решении прецедента для предложения иного сценария развития событий. В этом смысле переход в «другую материю» состоялся безболезненно и был признан локальным сообществом.

Анализ данных показал, что перенос храма с горы Качканар, несмотря на сложность реализации, является наиболее оптимальным решением, учитывающим интересы всех сторон и минимизирующим ущерб устойчивому развитию региона.

Аннигиляция, устойчивость и сакральный ландшафт

Методологический жанр антропологии устойчивого развития предполагает поиск решений, в которых общее благо в его глобальном понимании будет так или иначе учтено. Ради этого было разработано семнадцать целей устойчивого развития, которые (хотя бы одна из них) должны так или иначе преследоваться крупными и средними корпорациями, ресурсодобывающими компаниями. Рациональное природопользование должно идти наряду с достижением высокого уровня жизни и справедливого распределения благ с одновременным сохранением окружающей среды и природных ресурсов для будущих поколений. Устойчивость подразумевает возобновляемость и «счастье человеческое», понимаемое в масштабе разработанных критериев новой цивилизационной доктрины.

⁴ Одна из ключевых богинь буддийского пантеона.

Если же мы обращаемся к теме сакрального, священных мест, традиционных знаний и традиционного образа жизни, то устойчивое развитие, как правило, подразумевает сохранение всего перечисленного. Однако экономическое и «рациональное» в этих сферах социальной реальности носит весьма деликатный и реципрокный характер с участием самых неожиданных действующих лиц. Понятие «выгоды», «ресурса» и «здорового смысла» в оперировании связями между социумом и природой, а также системой локальных экономик и домохозяйств, обретает совершенно иной культурный смысл и не может быть считан привычным и стандартизированным языком. В нашем случае мы столкнулись с новым принципом аннигиляции, который открыл дополнительное пространство для дискуссий в вопросах устойчивого развития, сакрального пространства и консенсуса.

Аннигиляция (от лат. *annihilatio* — «уничтожение, превращение в ничто») — понятие, которое используется в различных науках для обозначения процессов исчезновения, разрушения и трансформации. В физике аннигиляция — это взаимодействие частицы и античастицы, приводящее к их взаимному уничтожению и выделению энергии. Этот процесс является фундаментальным для понимания взаимодействия материи и антиматерии. Он иллюстрирует принцип сохранения энергии и массы: уничтожение одной формы материи приводит к появлению другой, обычно в виде энергии. В таком контексте аннигиляция не является абсолютным уничтожением, а трансформацией, в которой что-то исчезает, но одновременно создается нечто новое. Таким образом, аннигиляция — это не только конец, но и потенциальное начало новых процессов и форм существования.

В антропологии аннигиляция принимает символический характер, обозначая исчезновение или уничтожение культурных традиций, языков, материальных свидетельств, сообществ и исторической памяти. Этот процесс может происходить под воздействием войны, колониализма, глобализации или религиозных преобразований. Примеры подобных процессов можно найти в исследованиях разрушения культурных памятников и уничтожения сакральных мест.

Roba (2021) рассматривает угрозы сакральным природным местам народа гуйи-оромо в Южной Эфиопии. Святыни, такие как Ми Бокко и Дараарту, имеют глубокое религиозное, культурное и экологическое значение. Однако они подвергаются угрозам вследствие расширения современных религий, инфраструктурных проектов, утраты традиционных ценностей и захвата земель. Аннигиляция сакральных мест проявляется как религиозное влияние, при котором христианские и исламские

общины рассматривают традиционные верования как идолопоклонство, что приводит к отказу молодых поколений от культурного наследия. Физическое разрушение сопровождается строительством инфраструктуры, такой как линии электропередач и дорог, уничтожающих священные леса и деревья. Захват земель превращает сакральные территории в участки под сельское хозяйство и поселения, подрывая их религиозную значимость. При этом утрата традиционных механизмов защиты ведет к тому, что старейшины, которые раньше следили за сохранением святынь, теряют авторитет из-за влияния государственных институтов и формальной судебной системы. Несмотря на угрозы, сообщество гуйи-оромо использует традиционные методы для защиты святынь, такие как замена утраченных священных деревьев, ритуалы восстановления и установление границ сакральных территорий.

Физическое пространство сакрального, выраженное архитектурными ансамблями, зачастую рассматривается через призму социопсихологических связей верующего и культурными интерпретациями храмового пространства, которые Бегчин (2023) предлагает анализировать как трехмерное пространство в восприятии людей: протологическое (внутреннее), психосоматическое (субъективное видение материальной атрибуции как «одушевленной») и аксиологическое — сформированную социальную ценность и норму повседневной жизни сообщества. Поэтому утрата одного из измерений ведет к деконституализации и утрате смысловой полноты всего сакрального ландшафта. В этом смысле аннигиляция в отношении к сакральному пространству будет выглядеть однозначно в негативном свете.

Франц Фанон в книге «Проклятые земли» рассматривает аннигиляцию как инструмент колониализма, направленный на уничтожение не только физического существования колонизированных народов, но и их культуры, социальных структур и идентичности. Колонизаторы стремились не просто подчинить, но и искоренить традиционные формы существования, заменяя их западными ценностями и моделями поведения. Фанон критикует колониальную антропологию за упрощение реальности, где колонизатор и колонизированный рассматриваются как две противоположные силы. Однако в действительности процессы аннигиляции сложны: они включают внутренние конфликты внутри колонизированных сообществ, борьбу традиционной элиты с новыми националистическими движениями, а также влияние колониального дискурса на самовосприятие колонизированных. Таким образом, аннигиляция, будь то в физическом или антропологическом смысле, представляет собой не только процесс уничтожения, но также

трансформации и адаптации. Это сложный, деликатный и слабо отрефлексированный процесс.

В социально-антропологических исследованиях, посвященных культурной аннигиляции (Meiches 2019), в числе прочего подчеркивается связь религии с ее актуальным географическим местом (т. е. существующим храмом или, например, руинами древней церкви). Со временем исследователи внедрили термин «детерриториализация» — процесс ослабления связей между культурой (в нашем случае — религией) с ее территорией (Roy 2013). Детерриторизация сакрального подразумевает удаление элементов культуры из определенного местоположения в физическом и историческом смысле. Религия обретает изменения, становясь более универсальной. Детерриторизация сакрального, как мы можем заключить, становится частью такого явления, как религиозный синкретизм, способствуя рождению новых процессов и принципов солидарности сообщества. Аннигиляция как социокультурное явление, таким образом, рассматривается исследователями амбивалентно и не несет однозначной оценки, хотя в антропологии устойчивости этот термин артикулируется, в большинстве случаев алармистски, как угроза культурным ценностям. Например, аннигиляция здесь будет идти вразрез с исследованиями ключевой роли сакральных ландшафтов, в том числе и как хранилищ и мест памяти и локальной истории (Бубнова и др. 2018; Mallea-Olaetxe 2000, 2001).

В поле сибирянистики и антропологии Севера аннигиляция как таковая не рассматривается, т. е. этот термин не был импортирован в эти дисциплины, но вместо аннигиляции на сцену выходит постсоветский концепт «разрухи». Распад Советского Союза привел к росту числа заброшенных мест и инфраструктур. Места, оставленные новым государством без присмотра, стали рассматриваться как опустошенные [*razrukha*] (Ries 1997, Grant 1995) и скорее центробежные, чем центростремительные пространства. Вина возлагалась на «ужасный экономический развал» (Lih 1996: 494) и «крах производства» (Lih 1997: 58). В результате заброшенные места превратились в «землю руин», по словам Кэссидей (Cassiday 1998: 647), промышленные районы, оставшиеся без присмотра после распада Советского Союза, представляли собой своего рода символические свидетельства политической и экономической смерти.

С этой точки зрения аннигиляция выглядела бы как оставление, покидание сакрального места без какой-либо надежды на последующую трансформацию как самого места, так и сообщества, которое его лишилось. Поэтому концепт «разрухи» в том виде, в котором он сформировался в 1990-е гг. в исследованиях постсоветской России,

не может считаться состоятельной теоретической рамкой и имеет лишь однобокое отношение к более развернутым теориям аннигиляции в социальной антропологии и смежных дисциплинах, таких как сакральная экология и сакральная география, где связи между человеком и природой рассматриваются как превосходящие наши представления о естественном, искусственном и сверхъестественном, а сам человек не обладает статусом «венца творения», а является своего рода «домоправителем» лишь собственного микромира (Теребихин 2014).

В целом мы можем заключить, что лейтмотив рассмотренных исследований указывает на то, что аннигиляция выступает в негативном ключе, но не как трансформация сакрального ландшафта с последующим изменением его статуса (Simonova, Belyaeva-Sachuk, Samsonova 2020). Рациональность как основа экономических отношений предстает в этих дискуссиях как зависимая от культуры категория и не является чистым принципом человеческой деятельности. Ответ сакрального ландшафта здесь коммуникативное звено, которое необходимо учитывать в практиках природопользования и принятия решений относительно его судьбы и статуса.

Этнография аннигиляции на горе Качканар

В рамках исследования был собран эмпирический материал для анализа мнений участников спора на горе Качканар. Основными источниками данных стали интервью с представителями местного сообщества, сотрудниками АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК» и председателем буддийской общины «Шедруб Линг». Большинство местных жителей поддержали снос храма, аргументируя это тем, что сооружение было построено без соответствующих необходимых документов, а гора Качканар является важным ресурсным объектом для региона и страны в целом. Компания АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», являющаяся градообразующим предприятием, также настаивала на сносе, исходя из правовых аспектов и экономической значимости месторождения. Представители общины признавали незаконность строительства храма, но продолжали надеяться на его сохранение или, по крайней мере, на возможность получения разрешения на посещение священного места. Эксперты социальной сферы, не имеющие прямое отношение к конфликту, несмотря на акцент на культурной значимости храма, в ходе интервью склонились к компромиссу в виде его переноса.

Собранные данные позволили выделить несколько вариантов разрешения конфликта. Среди них — снос храма, его перенос на новое место, консервация объекта с переносом горных работ, а также выдача разрешения на ограниченное посещение. Большинство опрошенных, включая местное сообщество, поддержали вариант переноса храма как наиболее сбалансированное и устойчивое решение. Социологи предложили альтернативный способ добиться правовой защиты храма через признание его культурным наследием, однако этот вариант не получил широкой поддержки, учитывая экономические приоритеты региона и градообразующую роль предприятия.

Анализ интервью, проведенных с использованием методов Делфи и Q-sort, выявил сложное пересечение правовых, экономических и культурных аспектов конфликта между буддийской общиной «Шедруб Линг» и компанией АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК». Большинство респондентов, включая представителей местного сообщества и сотрудников АО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК», подчеркнули незаконность строительства храма как ключевой фактор конфликта: *«Там уже, по сути, с 2007 года уже начали теребить моего учителя по решению вопроса с этим участком. То есть его уже тогда просили уйти оттуда. Но он тем не менее до последнего строил, строил, строил. И закончилось тем, чем закончилось. То есть изначально храм был построен на незарегистрированной территории. Без разрешительного документа»* (представитель общины «Шедруб Линг»).

Прагматический взгляд лейтмотивом пронизывает нарративы информантов как среди местного населения, так и представителей АО «Евраз Качканарский ГОК»: *«Ну, это, опять-таки, вот, мое мнение, они ни с кем не согласовали этот вопрос, где им там организовать вот это поселение. Если бы они согласовали, то, естественно, им бы сразу было указано, что когда-то начнутся разработки вблизи этой вершины, этой горы. Они там поселились самовольно...»* (местный житель). *«Предлагали переехать, перенести туда, были там судебные заседания, подавались иски на незаконный захват территорий к буддистам, ответчикам... Их предупреждали, предупреждали, потом просто как судебными приставами приехали и снесли эти жилые незаконные постройки»* (представитель компании).

Аннигиляция сакрального, таким образом, мыслилась как неизбежный процесс десакрализации горы Качканар правовыми методами. Однако, несмотря на то что самозахват территории не требует от нового законного владельца никаких компенсаций, в этом случае компания приняла решение не только предоставить альтернативный земельный

участок, но и выплатить достойную сумму денег на ее освоение и продолжение религиозной деятельности, данная стратегия расценивается информантом как способность компании к диалогу и забота о своей репутации: *«Наилучший [исход] — это вот переезд, перевезти их туда. Для компании, в плане, для Евраз. Да, чтобы лицо свое, так сказать, лицо компании поддержать, да. Что она может договариваться, да, все такое. Она идет на диалоги»* (представитель АО «ЕВРАЗ КГ»).

Несмотря на то что храм представлял экономическую ценность и приносил доходы от туризма, аргумент в пользу того, что организация добычи руды экономически более выгодна, подтверждает, что если бы храм не снесли, это могло бы остановить развитие региона и привести к нехватке рабочих мест. Информанты также утверждали, что город изначально был создан для удовлетворения нужд бизнеса, поэтому развитие горнодобывающей промышленности является приоритетом: *«Естественно, наше предприятие является градообразующим, поэтому нужны рабочие места. Разрабатывалось месторождение новое. И это просто было как бы нужда города, нужда предприятия, и с этим нельзя было не считаться, что там 3–4 человека встали против всего города. Людям нужна работа, поэтому другого выхода не было, я считаю, у ГОКа, в моем мнении»* (представитель АО «ЕВРАЗ КГ»).

В отличие от спора по сносу самовольно построенного православного храма в целях улучшения городской инфраструктуры с переносом сакрального ландшафта в другое место, информанты в целом не видели особой проблемы в том, что сакральный ландшафт поменяет место прописки: *«Ну почему он не может быть на другой горе или в другом месте? Обязательно на этой горе, которая непосредственно ну не то что там принадлежит ГОКу, а она производственно необходима для ГОКа, для ЕВРАЗ. А ЕВРАЗ — это предприятие, которое добывает, добывающая промышленность всей нашей страны, надо сказать»* (местный житель).

С другой стороны, буддийская община, осознавая правовую уязвимость своей позиции, так или иначе артикулирует возможность сохранения своей святыни, что подчеркивает важность религиозного аспекта и коренным образом отличающейся системы ценностей: *«Ну, в принципе любые культурные и религиозные традиции нужно уважать. При любых обстоятельствах. Даже если есть нарушения, которые действуют в несоответствии с законом. Ну, как здесь? Здесь было столкновение интересов. Закон был не на нашей стороне, ну это факт. То есть закон есть закон. А как же получилось? Лама Докшит по наставлению своего коренного учителя Дармадоди Жилсраева*

отправился, собственно, на это место строить монастырь. То есть ему учитель сказал: езжай туда-то, то есть конкретно показал место на карте, обрисовал, как выглядит место, как скалы выглядят. Вот. И езжай, и строй. Ну, в буддизме взаимодействие учитель — ученик, особенно в традиции тантры, очень строгое. То есть это как бы обязательство, которое нужно выполнить по-любому. Вот чисто в религиозном ключе. Всё. Лама Докиит приехал, начал обустраиваться. То есть первые лет пять, наверное, у него ушло на то, чтобы хоть как-то найти место, наладить свою личную экономику там» (представитель общины «Шедруб Линг»).

Мнение буддистов основано на том, что храм стал важным элементом буддийской традиции и символом преемственности духовной практики. Его разрушение разорвало связь с прошлым и подорвало чувство принадлежности к духовной общине. Предложенные решения конфликта отражают это расхождение взглядов: *«Вот единственный вариант. Другого уже просто не было варианта. Им надо было оттуда уйти по-любому. Компромиссов нет»* (представитель АО «ЕВРАЗ КГ»). *«А вот, а с другой стороны, эти товарищи могли уйти и где-то в другом месте построить свою общину, там, своим этим, все эти храмы, там, и так далее».* Альтернатива в виде переноса храма как постройки: *«Затем второй вариант: могли бы эту постройку полностью перенести, например, с одного места на другое, даже к подножию»* (представитель АО «ЕВРАЗ КГ») — не нашла поддержки, что, видимо, связано с более низким статусом здания по сравнению со статусом ландшафта как площадки сакральных практик и культовых ценностей. Не получил поддержку и сценарий совместного пользования территорией горы Качканар: *«Ну, правильное взаимодействие. Узаконить строение там религиозное. Доступ чтобы был... Ну, может быть, не постоянный, но как-то расширить доступ. То есть я уверен, что у них есть график взрывных работ. Без этого никак. То есть вон стоят пункты охраны. Почему только в субботу и воскресенье разрешают туда подниматься?»* (представитель общины «Шедруб Линг»).

Далее на основе данных, полученных из интервью, был применен адаптированный метод Q-сортировки, который позволил нам ранжировать мнения респондентов с учетом их точек зрения в зависимости от степени значимости и согласия с аннигиляцией сакральной постройки на горе Качканар как коллективного решения судьбы по трансформации сакрального буддийского ландшафта с последующим обретением проданного статуса.

Мнение представителя буддистской общины расположено в верхней левой части графика (рис. 1), поскольку в ходе интервью был выявлен высокий уровень значимости и сравнительно небольшой уровень согласия с исходом спора. Мнения трех местных жителей касательно аннигиляции буддийского храма на горе Качканар схожи: им присущи средняя степень согласия и сравнительно низкая степень значимости в споре. У респондентов, представляющих горнодобывающую компанию, была выявлена наибольшая степень согласия с исходом спора, а также высокий уровень значимости; их мнения расположены в правой верхней части графика.

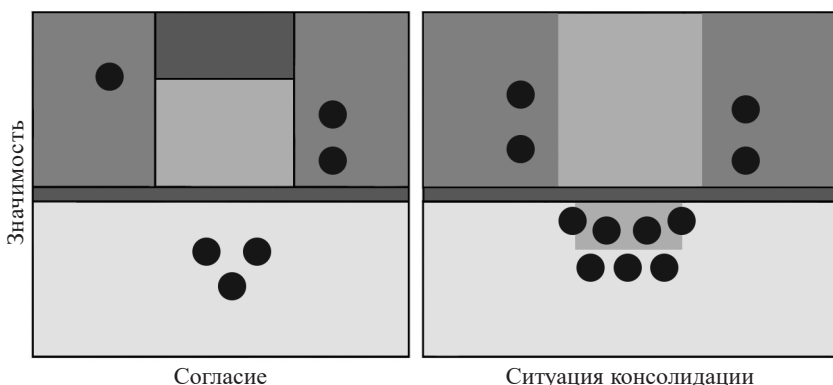

Рис. 1. Визуализация мнений информантов методикой Q-сортировки

Анализ форм распределения мнений (рис. 1, правая сторона)⁵ позволяет углубиться в понимание согласия и разногласия среди участников. В данном случае форма распределения напоминает форму «бычьей головы» (рис. 1, левая сторона), что указывает на высокий уровень согласия по ключевым вопросам и свидетельствует о сплоченности мнений относительно исхода спорной ситуации. Таким образом, метод Q-сортировки позволил глубже проанализировать и наглядно визуализировать мнения опрошенных экспертов, а анализ форм распределения выявил высокий уровень согласованности респондентов касательно аннигиляции сакральной постройки на горе Качканар.

Анализ схожих ситуаций подтверждает сложность подобных споров, в которых экономические интересы зачастую противостоят культурным

⁵ С правой стороны рис. 1 представлен рисунок схематичной «бычьей головы» как хрестоматийный пример распределения мнений, демонстрирующих солидарность суждений.

и экологическим соображениям. Эти прецеденты демонстрируют различные результаты, где общественные интересы и защита культурных или природных ценностей посредством получают разную форму внимания и учета.

Случай горы Качканар показывает, насколько важно учитывать культурный контекст при решении проблем, связанных с освоением природных ресурсов, для обеспечения баланса между экономическим развитием и сохранением, в котором аннигиляция неожиданно выступила созидающей устойчивое развитие локальной идиомой.

Выводы

Таким образом, исследование позволяет утверждать, что кейс аннигиляции сакрального на горе Качканар представляет собой нетипичный, но весьма показательный пример того, как может быть достигнута устойчивая договоренность между сторонами конфликта в рамках процессов рационального природопользования и развития региона. Мы продемонстрировали, что аннигиляция в данном случае не была односторонним насилием над сакральным пространством и не сопровождалась типичными для подобных случаев протестами или кризисами идентичности. Напротив, этот процесс оказался обоюдно признанным и институционализированным решением, в котором каждая сторона — и буддийская община, и компания-недропользователь, и местное сообщество — нашла приемлемый способ сохранить значимые для себя ресурсы: духовные, экономические, культурные.

Мы показали, что аннигиляция в данном случае выступает не как исчезновение, а как трансформация: сакральное не было полностью уничтожено, но перенесено, переформатировано, вписано в иное пространство — и, главное, этот процесс был осмыслен всеми сторонами как логичный и приемлемый. Таким образом, речь идет о своеобразной «аннигиляции без разрушения», когда сакральный ландшафт утрачивает свой прежний статус не в результате насилия, а вследствие переговоров, адаптации и перехода к новому состоянию. В этом смысле аннигиляция предстала как событие, обладающее конструктивным потенциалом.

Именно эта особенность — согласованный, неконфликтный характер исчезновения сакрального — позволяет нам утверждать, что мы имеем дело с новым феноменом в поле антропологии устойчивого развития: устойчивостью, достигнутой не через сохранение, а через компромиссную трансформацию. Мы продемонстрировали, что даже при наличии

типичных факторов риска (незаконное строительство, экономическая значимость ресурса, конфликт интересов) возможен сценарий, при котором сакральное и профанное, духовное и экономическое, локальное и глобальное оказываются не в непримиримом противостоянии, а в состоянии переговорного сосуществования.

Ретроспективный анализ ситуации позволил выявить значительный уровень согласия среди всех заинтересованных сторон, что подтверждено методами глубинных интервью, Q-сортировки и Delphi-анализа. Этот согласованный нарратив демонстрирует, что модели устойчивого развития могут учитывать даже такие подходы, которые на первый взгляд кажутся недопустимыми, — например, аннигиляцию сакрального объекта. Мы показали, что такая аннигиляция может не только не противоречить логике устойчивости, но и встраиваться в нее как одна из возможных локальных идиом устойчивого решения.

В итоге мы продемонстрировали, что:

- аннигиляция сакрального может быть социально приемлемой, если происходит через процедуру консенсуса;
- сакральное пространство может быть детерриторизовано без утраты своего значения для сообщества;
- аннигиляция в контексте устойчивого развития нуждается в переосмыслении как категории, обладающей не только деструктивным, но и созидательным потенциалом;
- кейс горы Качканар демонстрирует важность учета локальных нарративов и этик в принятии решений даже в рамках крупных инфраструктурных или природопользовательских проектов.

Тем самым своей работой мы вносим вклад в развитие направлений «этнографии аннигиляции» и антропологии устойчивости, предлагая рассматривать подобные кейсы не как исключения, а как возможные формы устойчивого компромисса, в которых логика развития не исключает, а включает трансформацию сакрального. В этом смысле аннигиляция оказывается не концом, а началом новой формы существования сакрального и его отношений с экономикой, обществом и природой.

Источники

Бегчин Д. А. Храмовая архитектура и религиозная антропология // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2023. — Т. 43. — С. 91–101. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovaya-arhitektura-i-religioznaya-antropologiya> (дата обращения: 12.04.2025). DOI: 10.26516/2073-3380.2023.43.91.

Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. — 256 с.

Бубнова А. Р., Арманд А. Д., Кайданова О. В. Сакральные ландшафты как фактор формирования этнического экологического сознания (на примере горных марийцев Республики Марий Эл) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2018. — № 6. — С. 115–127. — DOI: 10.1134/S2587556618060043.

Мелихов Г. В. Антропология сакрального: к характеристике предмета исследования // Уч. зап. Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — Т. 152, кн. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-sakrnogo-k-harakteristike-predmeta-issledovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

Мельник В. М. Между Бессарабией и Подольем: Лядовский монастырь на Днестре как историко-культурный ландшафт и средоточие политических традиций // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. — 2022. — № 76. — С. 59–69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdubessarabiey-i-podoliem-lyadovskiy-monastyr-na-dnestre-kak-istorikokulturnyy-landshaft-i-sredotochie-politicheskikh-traditsiy> (дата обращения: 12.04.2025). — DOI: 10.17223/19988613/76/4.

Расторгуев В. Н., Черешнев В. А. Национальная экологическая политика: задачи политического планирования в контексте глобализации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические исследования. — 2008. — № 4. — С. 7–15. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ekologicheskaya-politika-zadachi-politicheskogo-planirovaniya-v-kontekste-globalizatsii> (дата обращения: 12.04.2025).

Сирина А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 2. — С. 121–138. — URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2008/02/eoarchive_2008_2_121_sirina.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

Сузукей В. Ю., Хулер С. А. Фундаментальные принципы взаимодействия с окружающей средой и сакральная экология в традиционной культуре тувинцев // Культура и цивилизация. — 2022. — Т. 12, № 1А. — С. 93–101. — DOI: 10.34670/AR.2022.10.47.010.

Теребихин Н. М. Сакральная экология и традиционные знания народов Севера (к постановке проблемы) // Экология человека. — 2014. — № 8. — С. 3–10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-ekologiya-i-traditsionnye-znaniya-narodov-severa-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 12.04.2025).

В Якутии ученые исследуют священные места народов Севера // GoArctic. — URL: <https://goarctic.ru/korennyye-narody-severa/v-yakutii-uchenye-issleduyut-svyashchennyye-mesta-narodov-severa/> (дата обращения: 12.04.2025).

Новости недвижимости Екатеринбурга // 66.ru. — URL: <https://66.ru/realty/news/216636/> (дата обращения: 12.04.2025).

Mallea-Olaetxe J. Speaking through the aspens. Basque tree carvings in California and Nevada. — Nevada: Nevada University Press, 2000. — 237 p.

Mallea-Olaetxe J. Carving out history: the Basque aspens // Forest History Today. — 2001. — Spring/Fall. — P. 44–50. — DOI: 10.2307/3594745.

Report of the World Commission on Environment and Development. Our Common Future. — Oxford: Oxford University Press, 1987. — 400 p.

Simonova V. V., Belyaeva-Sachuk V. A., Samsonova I. V. The sacred economy of wild mining in the Eastern Sayan mountains of Buriatia, South Siberia // Time and Mind. — 2020. — Vol. 13, No. 2. — P. 191–210. — DOI: 10.1080/1751696X.2020.1750857.

Сведения об авторах

Рукавина Анастасия Марковна, студент магистратуры,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
aarukavina@edu.hse.ru

Фролова Анна Игоревна, студент магистратуры,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
aifrolova_5@edu.hse.ru

Болдина Дарья Алексеевна, студент магистратуры,
Университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия.
daboldina@edu.hse.ru

Ермохина Екатерина Александровна, независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия.
eaermokhina@edu.hse.ru

Шохор Анжелика Сергеевна, независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия.
asshokhor@edu.hse.ru

Симонова Вероника Витальевна, кандидат социологических наук,
доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия.
vvsimonova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1167-7589
SPIN: 4921-4981

Статья поступила в редакцию: 08.10.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 20.10.2025;
принята к публикации: 31.10.2025.

ANASTASIA M. RUKAVINA¹,
ANNA I. FROLOVA¹,
DARYA A. BOLDINA²,
EKATERINA A. ERMOKHINA,
ANGELICA S. SHOKHOR,
VERONIKA V. SIMONOVA^{1,3}

¹ *HSE University St. Petersburg, Russian Federation*

² *ITMO University, St. Petersburg, Russian Federation*

³ *The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

THE ANNIHILATION OF THE SACRED ON MOUNT KACHKANAR AND THE DILEMMAS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. This article invites to reflect on the place of theoretical concepts of annihilation in sustainable development and environmental management approaches to sacred and cultural landscapes. In social anthropology, annihilation is endowed with a symbolic character, and is often seen as cultural annihilation, referring to the disappearance or destruction of cultural traditions, languages, material evidence and historical memory. Annihilation tends to “have an unfortunate reputation” and is evaluated typically as not a welcome event. Indeed, the destruction of something is seen as damaging and dangerous for the cultural landscape, traditional ways of life and the local community. So how can annihilation and sustainable development echo each other? And how can these echoes find a worthy place in the cultural and sacred landscape and scientific approaches to such? Using empirical material from the dispute between representatives of the Buddhist community Shedrub Ling and the Kachkanar Mining and Processing Industry, owned by EVRAZ Kachkanarsky GOK, we shall demonstrate that annihilation in the theoretical discourses of social anthropology and anthropology of sustainable development is a complex and multifaceted phenomenon, underestimated in methodological set of terms. The controversy arose because a religious structure of a Buddhist temple was built on Mount Kachkanar, located in the Sverdlovsk region, adjacent to the Kachkanar titanomagnetite iron ore deposit, which was an obstacle for non-Iroso users. Due to the initially illegal construction of the Buddhist temple within the boundaries of the ore deposit, the shrine was demolished in order to start up the mining and processing process. However, despite the apparently negative nature of these actions, all parties of the dispute came to a consensus that this decision was quite favorable for the region and landscape, and the sacred landscape re-registered its status as profane quite easily.

Keywords: annihilation of the sacred, sustainable development, sacred cultural landscapes, anthropology of the sacred, social anthropology

For citation: Rukavina A. M., Frolova A. I., Boldina D. A., Ermokhina E. A., Shokhor A. S., Simonova V. V. The annihilation of the Sacred on Mount Kachkanar and the dilemmas of sustainable development. *St. Petersburg Sociology Today*. 2025. No 30. P. 55–77. DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.gwad-hy88; EDN: GVGQQQ

References

Begchin D. A. Temple architecture and religious anthropology. *Izvestiya Irkutsk State University*. Series: Political Science and Religious Studies, 2023, no. 43, pp. 91–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovaya-arhitektura-i-religioznaya-antropologiya> (access date: 12.04.2025). DOI: 10.26516/2073-3380.2023.43.91. (In Russ.)

Borisov N. A., Volkov V. A. *In search of a new paradigm: An essay on political ecology*. St. Petersburg, IPC SZUI RANEPa, 2014, 256 p. (In Russ.)

Bubnova A. R., Armand A. D., Kaidanova O. V. Sacred landscapes as a factor in the formation of ethnic ecological consciousness (case study of the mountain Mari of the Republic of Mari El). *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2018, no. 6, pp. 115–127. DOI: 10.1134/S2587556618060043. (In Russ.)

Mallea-Olaetxe J. *Speaking through the aspens. Basque tree carvings in California and Nevada*. Nevada, Nevada University Press, 2001, 237 p.

Mallea-Olaetxe J. Carving out history: The Basque aspens. *Forest History Today*, 2001, Spring/Fall, pp. 44–50. DOI: 10.2307/3594745.

Melikhov G. V. Anthropology of the sacred: Towards a characterization of the research subject. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2010, vol. 152, book 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-sakralnogo-kharakteristike-predmeta-issledovaniya> (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Melnik V. M. Between Bessarabia and Podolia: The Lyadovsky Monastery on the Dniester as a historical and cultural landscape and a center of political traditions. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriia*, 2022, vol. 76, pp. 59–69. DOI: 10.17223/19988613/76/4. (In Russ.)

News on Yekaterinburg real estate. *66.ru*. URL: <https://66.ru/realty/news/216636/> (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Rastorguev V. N., Chereshev V. A. National environmental policy: Political planning challenges in the context of globalization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12. Politicheskie Issledovaniya*, 2008, vol. 4, pp. 7–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ekologicheskaya-politika-zadachi-politicheskogo-planirovaniya-v-kontekste-globalizatsii> (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Report of the World Commission on Environment and Development. Our common future. Oxford, Oxford University Press, 1987, 400 p.

Simonova V. V., Belyaeva-Sachuk V. A., Samsonova I. V. The sacred economy of wild mining in the Eastern Sayan Mountains of Buriatia, South Siberia. *Time and Mind*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 191–210. DOI: 10.1080/1751696X.2020.1750857. (In Russ.)

Sirina A. A. Feeling the land: Ecological ethics of the Evenks and Evens. *Ethnographic Review*, 2008, no. 2, pp. 121–138. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2008/02/eoarchive_2008_2_121_sirina.pdf (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Suzukey V. Yu., Khuler S. A. Fundamental principles of environmental interaction and sacred ecology in the traditional culture of the Tuvinians. *Culture and Civilization*, 2022, vol. 12, no. 1A, pp. 93–101. DOI: 10.34670/AR.2022.10.47.010. (In Russ.)

Terebikhin N. M. Sacred ecology and traditional knowledge of the peoples of the North (problem setting). *Human Ecology*, 2014, no. 8, pp. 3–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnaya-ekologiya-i-traditsionnye-znaniya-narodov-severa-k-postanovke-problemy> (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Yakutia researchers study sacred sites of the indigenous peoples of the North. *GoArctic*. URL: <https://goarctic.ru/korennye-narody-severa/v-yakutii-uchenye-issleduyut-svyashchennye-mesta-narodov-severa/> (access date: 12.04.2025). (In Russ.)

Information about the authors

Rukavina Anastasia M., student, HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation.
aarukavina@edu.hse.ru

Frolova Anna I., student, HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation.
aifrolova_5@edu.hse.ru

Boldina Darya A., student, ITMO University,
St. Petersburg, Russian Federation.
daboldina@edu.hse.ru

Ermokhina Ekaterina A., Independent Researcher,
St. Petersburg, Russian Federation.
eaermokhina@edu.hse.ru

Shokhor Angelica S., Independent Researcher,
St. Petersburg, Russian Federation.
asshokhor@edu.hse.ru

Simonova Veronika V., Candidate of Sociological Sciences,
associate professor,
HSE University; The Sociological Institute of the RAS —
Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation.
vvsimonova@hse.ru
ORCID: 0000-0003-1167-7589
SPIN: 4921-4981

Received: 08.10.2025;
revised after review: 20.10.2025;
accepted for publication: 31.10.2025.